

ФОТО ДМИТРИЯ СОКОЛОВА

Афиши военного времени

ФОТО ДМИТРИЯ СОКОЛОВА

Екатерина ГИНДИНА

Афиши военного времени из Музыкальной библиотеки Филармонии будут отреставрированы к 80-летию Победы. Специалисты Санкт-Петербургского института истории РАН уже работают с ними.

Проект «Военная летопись Филармонии» стартовал несколько месяцев назад. Из собрания Музыкальной библиотеки его организаторы отобрали более 700 афиш, несколько десятков программ, пригласительные билеты и рукописные материалы — все они должны быть отреставрированы в мастерских Института истории РАН к декабрю 2025 года.

Работы разделены на три этапа. Первый включает в себя исследование и реставрацию материалов, связанных с жизнью и работой Ленинградского филармонического ансамбля в Новосибирске. Результаты будут представлены уже к лету.

«Оркестр Филармонии был эвакуирован в Новосибирск и там продолжил свою творческую деятельность», — рассказывает Татьяна Базарова, заведующая архивом Института истории РАН. — Это было для Новосибирска очень важным музыкальным событием, концерты давались очень часто. Афиши печатали тиражом в несколько десятков экземпляров, от 50 до 120. Их развешивали по всему городу. Удивительно время начала концертов — восемь, восемь тридцать вечера. Нам сейчас кажется, что это очень поздно, но тогда шла война, люди работали и после напряженного рабочего дня шли слушать музыку».

Эти афиши напечатаны типографской краской двух цветов — черной и красной (на некоторых использована только одна). Шрифт — самый простой, для детских концертов — чуть менее строгий. «Некоторые листы сохранились очень хорошо», — говорит Татьяна Анатольевна. — Есть небольшие утраты по краям, такая лохматость, разрывы, остались следы от проколов, поскольку афиши были шиты в одну подборку. Здесь требуется минимальное вмешательство реставратора. А есть такие, которые буквально распались на части, и их приходится воссоздавать. Процесс реставрации каждый раз выстраивается индивидуально, для каждой афиши — свой план».

Но начинается работа всегда с исследования. Нужно определить химический состав основы, ее кислотность, толщину, изначальную белизну... Ведь в годы войны афиши печатали не только

на типографской, но и на так называемой сахарной бумаге (в мирное время из нее делали пакеты для сахара). Только потом реставрационный совет решает, какие методы применить.

Первый этап — практически всегда сухая очистка, удаление поверхностных загрязнений. Ее проводят с помощью специального реставрационного пылесоса. Затем, если при исследовании выяснилось, что краски не растворяются водой, — промывка в специальной ванне. Сначала проточной водой, потом — дистиллированной. Удаляется не только грязь, но и продукты старения бумаги. В большинстве случаев требуется нейтрализация (процесс, который позволяет понизить кислотность). После промывки афиша заметно светлеет. Конечно, она не становится белоснежной, сохраняет светло-коричневый, желтоватый цвет, ощущение возраста, память. Но вид, который она приобретает, уже гораздо ближе к оригиналу.

Для работы с плохо сохранившимися листами существует вакуумный стол. Он позволяет промывать, увлажнить и укрепить документ, не перемещая его с места на место. Тут же проводится нейтрализация и восполнение утрат. Даже если краска не водостойкая, на этом столе она не потечет, не размажется. Воду разбрызгивают на бумагу из пульверизатора и тут же удаляют специальным устройством. Все предельно деликатно.

Дальше — восполнение утрат, укрепление. «Я занимаюсь подклейкой разрывов», — рассказала реставратор Елена Пахалова. — На многих афишах есть разрывы по краям. Они подклеиваются (мы используем клей из пшеничного крахмала), потом укрепляются поперечной японской бумагой. После мелких подклеек некоторые листы приходится дублировать. Мы накатываем равнопрочную, очень тонкую бумагу на всю афишу». После ликвидации разрывов и закрепления краев лист попадает под пресс. Там он окончательно высушивается, и... его можно возвращать Филармонии.

Необходимая часть проекта — фотофиксация. Она проводится до начала реставрации, в ходе

работы и после ее завершения. Предполагается, что цифровые копии всех материалов станут доступны исследователям и зрителям, их будут предоставлять разным музеям для выставок, реальных и виртуальных.

На сегодняшний день специалисты Института истории отреставрировали около 20 афиш, 15 программ и пригласительный билет — на премьеру Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Новосибирске, которая состоялась 9 июля 1942 года. Осталось еще 55 афиш. Первый этап проекта «Военная летопись Филармонии» должен завершиться к 120-летию со дня рождения Евгения Мравинского (он возглавлял симфонический оркестр Ленинградской филармонии около полувека, в том числе и в годы Великой Отечественной войны).

На афишах, которые будут восстановлены первыми, его имя занимает центральное место.

Во втором этапе продлевать жизнь будут материалам, связанным с концертами в блокадном Ленинграде. Реставрация афиш того времени и блокадной концертной книги Филармонии будет закончена к 27 января 2024 года, Дню полного освобождения города от блокады. Далее предстоит работа с памятниками предвоенного полугодия 1941 года, сезона 1944/45 годов и теми новосибирскими материалами, которые не вошли в первый блок (в том числе рукописными брошюрами, фотографиями). Представить окончательные результаты организаторы надеются в декабре 2025 года. А еще ими запланированы две большие научные конференции. Одна будет посвящена звуковому образу Ленинграда военного поры, другая — итогам проекта «Военная летопись Филармонии».

«В этом проекте речь идет об абсолютной уникальности объектов, которые формально (только формально) не являются музейными экспонатами, но по сути — полноценные, уникальные хранители материальной и духовной памяти о прошлом нашего города и страны», — говорит Юлия Кантор, заместитель директора Института истории РАН. — Я абсолютно уверена, что никакая оцифровка, никакая виртуальная реальность не отменяет реальности того неосознаваемого, непознаваемого, что исходит от экспоната, артефакта, документа... Энергетика существует, и предмет хранит память».

Летающие над сценой

Театр балета им. Л. Якобсона представил на сцене Александринского театра восстановленный «Блестящий дивертисмент» на музыку Михаила Глинки. 50 лет назад его поставил основатель и художественный руководитель коллектива «Хореографические миниатюры» балетмейстер Леонид Якобсон (1904–1975). Среди педагогов-репетиторов, участвовавших в возвращении постановки, — Вера СОЛОВЬЕВА, ученица Якобсона, ведущая солистка его труппы в 1970–1987 годах. Вера Архиповна рассказала музыковеду Владимиру ДУДИНУ о том, как важно сохранять и возвращать публике наследие петербуржца, реформатора балета, выдающегося хореографа XX века.

— Вера Архиповна, сегодня вы работаете с новым поколением солистов в Театре им. Леонида Якобсона. А как вы сами пришли в его труппу «Хореографические миниатюры»?

— Это было дело случая. По окончании пермского училища я работала сначала год в Свердловске, затем в Куйбышеве. Там я станцевала Одетту — Одиллию в «Лебедином озере», но сильно повредила колени, пришлось делать операцию в Москве. К тому моменту нескольких моих знакомых взяли в труппу Якобсона, созданную в конце 1969-го. Один из них позвонил мне и позвал: «Тут так интересно!». И я приехала в Ленинград. Правда, прежде чем я полюбила этот новый язык танца и балетмейстера, все время втягивавшего нас в новые эксперименты, должно было пройти время.

Как-то он решил поставить «Бродячий цирк» на музыку Стравинского. Но, чтобы воплотить образ той балерины, которую придумал Якобсон, мне пришлось научиться мыслить другой пластикой. Не той, которой нас учили в училище, и не той, которая была нужна для «Лебединого»... Я исполняла роль танцовщицы из бродячей труппы — талантливой, но необразованной, никогда не учившейся танцу. Она ничего не знает ни о классических балетных позициях, ни о выворотных ногах. Та роль была для меня настоящим вызовом, требовались и отказ от привычных классических движений, и актерское мастерство. В итоге Якобсон сумел добиться своего — и получил шедевр!

Он ставил очень много. Первая репетиция всегда проходила так: все вставали в ряд, и мастер обводил нас взглядом. Потом выбирал кого-то: «Ну-ка иди сюда». Мог выбрать вообще неподходящего, с нашей точки зрения, солиста и вдруг из него или нее лепил, вытягивая душу...

Его постановки запрещали, его все время «били», и руководство, и некоторые коллеги. Как его гоняли! А ему как будто было все ни почем, обаяния — море. Сам Леонид Вениаминович был уверен в собственной значимости, это ему сильно помогло. Всю компанию он увлек своим искусством, рассказами, замыслами. Он был всегда такой ухаживатель, милое нас всех — море задрора, энергии, темперамент!

Когда он умер, мы поняли — все закончилось. Приходили другие хореографы, но после Якобсона все было не то. Настолько мы привыкли к нему, объездившему нам каждый шаг, каждый взгляд, к его невероятно творческой энергии, неисчерпаемой фантазии...

— Его балеты пользовались успехом?

— Билетов на наши спектакли было не достать. Мы объездили весь Союз, принимали везде очень

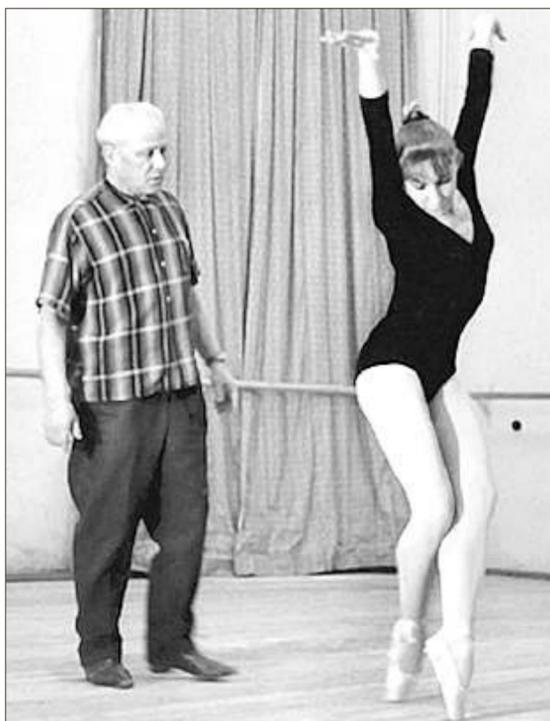

ФОТО НА АРХИВЕ ТЕАТРА ИМ. Л. ЯКОБСОНА/ПРЕДСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ

На репетиции Леонид Якобсон и Вера Соловьева.

хорошо. Потом стали выезжать за границу — и там был бешеный успех. Это ведь было открытие в балете. Хотя, конечно, были те, кто не принимал творчество Якобсона, кто не понимал, как возможно то, что мы делали на сцене. Многие из Кировского театра приходили к нам и недоумевали, видя новую необычную пластику, охали, приговаривали: «Нет, это невозможно! Как можно так летать над сценой?». Им эта хореография казалась сложной, они ее не понимали. Но, когда меня спрашивают, как со всем этим справлялась я, было ли трудно, я отвечаю, что мне все было очень легко.

— Леонид Вениаминович был жестким в своем методе воспитания танцовщиков?

— Исследователи пишут, что он был очень настойчивым. А я помню только любовь, восторг. Наверное, он ко мне как-то по-особому относился. Нас тогда было в труппе четыре балерины, некоторые вспоминают, что он и ругал их, и до слез доводил. Но это процесс чистого творчества, когда надо, чтобы артист с открытым сердцем, без оглядки на свой прошлый опыт принимал все, что ему говорит хореограф. Для меня он был мягкий, но требовательный, таким в памяти и остался. Со временем в труппу пришли Джон Марковский и Алла Евгеньевна Осипенко, и она стала для нас эталоном: такая тоненькая, красивая. Мы учились у нее чистоте исполнения и артистическому мастерству... Майя Плисецкая приходила, когда ставились танцевальные эпизоды в фильме «Синяя птица», где Огонь и Воду должны были танцевать она и Александр Годунов. Но Майя приехала и уезжала все время, а в ее отсутствие ставили на меня, чтобы я потом ей передавала порядок движений, который поставил Якобсон. Хотя в итоге все равно в «Синей птичке» танцевали Щербакова и Ганибалова...

— Якобсон влюблял своих танцовщиков в новую музыку. Сегодня это можно услышать в восстановленных номерах, где звучат сочинения Берга и Шенберга с их сложной и как будто даже антитанцевальной музыкой.

— Он действительно использовал в своих балетах много разной музыки. В музыке атональной, где нет мелодии, он видел ту драматургию, которая у него превращалась в танец, в этом был его гений. У него было очень много желаний, идей. Моему мужу Николаю Левицкому он говорил: «Коля, я на тебя надеюсь Отелло, Хачатурян уже пишет музыку»...

Якобсон нас все время заводил. Говорил: «Вы самые лучшие, мы завоеваем мир». У нас часто проходили собрания труппы, и если он брал слово, то час — два говорил о чем угодно, но чаще — о возвышенном. В Эрмитаж нас заставляли ходить... У Якобсона было желание расширить сферу гротеска, все как-то безумства искать, это реально наружу. Потом он поставил «Хиросиму» — выдающаяся работа! Танцовщики «рвали на себе кожу». Я смотреть не могла.

— Этот балет не собираются восстановить?

— Это невозможно. Или был еще знаменитый балет на музыку Девятой симфонии Шостаковича — с персонажами Гибельсом, Герингом, Гессом, Тиллером и Евой Браун. Он назывался «Обезумевший диктатор». Я чуть не умерла, когда это увидела... Якобсон мог проникнуть в душу танцовщиков, через них он обращался к зрительскому сердцу. Тот балет тоже восстановить невозможно. Многие танцовщики уже ушли из жизни.

— Как вы считаете, возможно ли вернуть зрителям наследие Леонида Якобсона в полном объеме?

— Мы с мужем, он тоже педагог-репетитор, часто рассуждаем на эту тему. Очень хотелось бы сохранить его балеты. Сын Леонида Якобсона иногда нас спрашивает, что будет, когда мы не сможем репетировать? Я отвечаю: сколько сможем, столько и будем работать. Передать хореографию, конечно, можно. Намного сложнее вытануть из новых танцовщиков то, что Якобсон хотел... Записи балетов на видео есть, письменных записей — нет. Мы иногда позволяем себе немножко менять эту хореографию, но стараемся не уходить из стилистики.

Помощь хорошему джаза

Дина ГИН

В нашем городе стартовал конкурс-фестиваль «Джаз — детям». До 31 июля его организаторы принимают видеозаявки от молодых исполнителей из всех регионов страны.

В первый раз конкурс «Джаз — детям» прошел в 2019 году, а уже в 2022-м он получил премию «Все цвета джаза» в номинации «Фестиваль года». Директор проекта Алексей Кривский рассказывает: «Сначала это была региональная программа, но теперь фестиваль в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, но со временем мероприятие стало гораздо более масштабным, в прошлом году мы отбирали участников практически по всей России».

— Иногда становится не по себе от музыки, которая нас окружает, — говорит идеолог конкурса, основатель группы Billy's Band Билли Новик. — И хочется развить сегодняшнее состояние музыки с большой буквы... Музыка облагораживает душу человека. Современные нейробиологи недаром говорят о том, как важно заниматься ею в детстве. Не для того даже, чтобы стать профессиональным музыкантом в будущем, а для гармоничного развития мозга и души. Для того чтобы «заронить зерно хорошей музыки, хорошего вкуса и чувства меры в юные умы и сердца», организаторы проекта ищут таланты. Причем не только среди

детей (как можно предположить по названию проекта). К участию приглашены исполнители возрастом от 6 до 35 лет (достаточно, чтобы в коллективе был хотя бы один такой человек). В том числе студенты музыкальных факультетов, ансамбли и музыканты из дворцов культуры, домов творчества, детских домов, интернатов, музыкальных студий — начинающие джазмены любого уровня.

На первом этапе жюри отсматривает и оценивает видеозаявки из разных городов. Раньше не разрешалось использовать фонограмму, но с этого года — можно («Молодым музыкантам бывает сложно собрать аккомпанирующий состав», — признает Алексей Кривский). Мастера джазового искусства выбирают лучших и... едут к ним. Отборочные прослушивания проходят по всей России. Параллельно проводятся мастер-классы для всех желающих и благотворительные концерты.

Завершит программу трехдневный фестиваль в Московском парке Победы, который пройдет с 11 по 13 августа. Туда по итогам отбора будут приглашены около 50 участников. Молодые музы-

канты смогут выйти на одну сцену со знаменитостями, а 12 лауреатов получат призы. Профессиональные джазмены помогут им подготовить видеозаписку и аудиозапись (промо), которые в дальнейшем можно использовать, чтобы достойно представить себя.

— Для исполнителей из регионов России — это огромная поддержка, — уверен Алексей Кривский. — Как и сама возможность приехать в Петербург — центр джаза. Тем более что мы оплачиваем дорогу и проживание, а значит, принять участие в конкурсе могут и люди небогатые.

Пресс-конференция, посвященная старту фестиваля «Джаз — детям» 2023 года, завершилась выступлением петербургских лауреатов прошлого года. Несколько композиций исполнил ансамбль Izi trio — ученики Санкт-Петербургской детской школы искусств имени И. О. Дунаевского. В числе прочих прозвучала и «Ленинградская прощальная» песня (больше известная в другом варианте под названием «Дорогие мои москвичи»). Вместе с ребятами (а всем участникам ансамбля — по 11–12 лет) ее исполнил Билли Новик.

— Музыка — еще один человеческий язык, язык души, — считает Билли Новик. — Все грани эмоций, которые мы способны испытывать, могут быть переданы с помощью хорошего джаза.